

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
 » 2 мѣсяца 3 »
 » 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 Н. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщитъ и отверзетъ. II. — 2) Гр. Пегръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. — 3) Справка изъ недавно прошедшаго: адресъ владимірскихъ дворянъ 1860 г. — 4) Письмо студента-ветеринара по поводу харьковскихъ студенческихъ волнений. — Post Scriptum редакціи. — 5) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VI, 3. С. 6) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». II. Письма С. С. Громекъ къ А. И. Герцену. 1858—1861. — 7) Начало новаго соціально-политическаго движенія въ Венгріи, Slavus. — 8) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VIII. Союзы рабочихъ и соціалистическія фракціи, Н. Жебуниса. — 9) Земская хроника. I. Работа и препятствія по народному образованію, О. В. — 10) Извѣстія и замѣтки: Самоубійство Макова.

ЖЕНЕВА, 15 марта 1883.

Прошлый разъ мы старались доказать фактами, что реформы начала царствованія Александра II были даны вовсе не по одной только доброй волѣ императора, а особенно его правительства, но были въ значительной степени результатомъ общественной агитаціи и положительныхъ требованій, обращенныхъ къ правительству. Приводимый ниже, какъ справка, адресъ дворянъ Владимірской губерніи, поданный въ 1860 г., служить, надѣмся, документальнымъ доказательствомъ къ сказанному нами.

Но, пробѣжавъ этотъ адресъ, а равно и другія подобныя ему заявленія того времени, читатель вынесетъ еще и другое заключеніе, — а именно, что правительство царя-реформатора не дало и половины того, что еще въ 1858—60 гг. считалось тогдашними далеко не крайними людьми за minimumъ политическихъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ административная реформа, основы которой начертаны въ Влад. адресѣ? гдѣ отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ? Гдѣ подсудность обывателя Россіи только гласному суду, а не разнымъ варіанціямъ III отдѣленія? гдѣ свободная печать? и т. д. и т. д. Сравнивая реформы, данныя правительствомъ Александра II, съ тѣмъ, что отъ него требовали даже дворянскія собранія въ 1858—1860 гг., мы видимъ, что правительство, т. е. царь и бюрократія, не только не дали всего нужнаго и желаннаго, но даже довольно ловко обошли общество, сдѣлавъ уступки по второстепеннымъ предметамъ, и въ то же время выигравъ въ главномъ, — въ сохраненіи и

даже развитіи своего самодержавія (повторяемъ, самодержавія столько же царскаго, сколько и чиновническаго), при чемъ названнымъ самодержцамъ удалось даже создать новыя преграды для развитія либеральной оппозиціи и на будущее время.

Это особенно слѣдуетъ сказать объ административной и земской реформахъ, какъ имѣющихъ наиболѣе политическаго характера. Преобразование уѣздной земской полиціи по наружности отняло у нея словесный дворянскій характеръ, но въ то же время вовсе устранило изъ нея выборное начало и земскій характеръ. Земскія учрежденія стали всесословными и получили постоянный исполнительный органъ, — управы, — но земскія собранія не только не получили должной независимости даже въ узкой сферѣ хозяйственной, — но по отношенію, напр., къ разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ платежей и расходовъ, названныхъ государственными или обязательными, получили меньше правъ, чѣмъ имѣли ихъ прежнія собранія депутатовъ дворянскихъ и городскихъ, которымъ губернская власть должна была представлять на разсмотрѣніе всю роспись земскихъ сборовъ и расходовъ. — Правда, эта отчетность, равно какъ и соответственная отчетность по особымъ, чисто дворянскимъ сборамъ при Николаѣ I была только формальною и не могла не быть иною, при всѣхъ условіяхъ жизни того времени, — но когда общество пробудилось, то во многихъ губерніяхъ дворянскіе депутаты и собранія стали относиться къ своему праву на контроль употребленія земскихъ сборовъ серьезно*), и изъ этого отношенія могло выйти что либо болѣе широкое по компетенціи, чѣмъ земскія учрежденія по Положенію 1864 г. (Не трудно было бы доказать, что и старое городское Положеніе, при своей сословности, заключало въ себѣ зародыши лучшаго, чѣмъ узко-капиталистическое и ишолнѣ бюрократическое новое городское устройство 1870 г., еще болѣе далекое отъ дѣйствительнаго самоуправленія,

*) Примѣры указаны, между прочимъ, и по II т. «Матеріаловъ для истор. упр. уездн. крѣпостн. состоянія» и пр., кромѣ того иныишій это самъ былъ свидѣтелемъ опыта весьма серьезнаго пользованія депутатскимъ правомъ въ одномъ депутатскомъ собраніи на югѣ Россіи еще въ 1856 г.

чѣмъ земское устройство 1864 г.) Наконецъ, какъ это было уже указано недавно въ нашей газетѣ, новыя земскія, всесословныя, собранія не получили, по закону, даже такого права ходатайства передъ верховной властью, какое имѣютъ дворянскія собранія. А между тѣмъ учрежденіе всесословныхъ земскихъ собраній непременно отнимало авторитетъ у сословныхъ дворянскихъ собраній. Сознательно или бессознательно, но во всякомъ случаѣ петербургскіе самодержцы усадили оба сорта собраній въ заколдованный кругъ: когда дворяне, — лучшіе изъ которыхъ въ адресахъ и рѣчахъ 1858—1860 г. высказывались за слитіе дворянства съ остальными сословіями, — поднимали какой либо общій вопросъ, то правительство могло отвѣтить имъ (какъ оно и отвѣтило на петицію конституціоннаго характера, поданную московскимъ дворянскимъ собраніемъ), что молъ вы говорите за всѣ сословія, на что не имѣете права; — земскимъ же собраніямъ правительство отвѣчало, даже на болѣе скромныя петиціи, что молъ вы выходите изъ круга мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, единственно вамъ предоставленнаго.

Всѣ эти и другіе заколдованные круги, которыми бюрократія обставила созданное въ 1864 году земское представительство, — между прочимъ и тѣ, которые разбираются въ печатаемыхъ у насъ статьяхъ г. З. С., — развитые люди въ дворянствѣ и земствѣ понимали еще въ 60-ые годы. Но они сдѣлали капитальную ошибку тѣмъ, что громко не указали на нихъ въ собраніяхъ, и дворянскихъ, и земскихъ, и не продолжали агитаціи, начатой въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—60 гг. И это случилось, какъ мы думаемъ, не только по всероссійской пассивности, не только потому, что введеніе земской реформы совпало съ оскудѣніемъ дворянства и съ отливомъ значительной части его изъ деревень и провинцій вообще, но и отъ неправильныхъ расчетовъ. Послѣ введенія земскихъ учреждений, лучшіе люди изъ дворянъ махнули рукою на дворянскія собранія, какъ отжившія учрежденія, — первые же земцы, въ среду которыхъ стали эти лучшіе люди, находили непрактичнымъ поднимать, такъ сказать, „ревизионистскую“ агитацію, — вопросъ о правахъ земскихъ

учреждений, не попробовавши их на опыте. Опыт же завертелъ земцевъ въ бѣлицемъ колесѣ, которое представляется въ статьяхъ г. З. С. Между тѣмъ благоприятный моментъ былъ упущенъ, — а когда агитация въ пользу самоуправленія затихла, бюрократія оправилась и, окончательно завладѣвъ царемъ послѣ 4 апрѣля 1866 г., принялась урѣзывать и искажать даже данныя уступки. Отсутствие дружной оппозиціи со стороны земствъ послѣ разгрома петербургскаго земства окрылило бюрократію, — и Россія вступила въ то глухое состояніе послѣднихъ 60-хъ годовъ, которое объясняетъ все послѣдующее, между прочимъ, и социальную-революционную агитацию 70-хъ годовъ, завершившуюся такъ называемымъ „терроризмомъ“.

Здѣсь не мѣсто подробно разбирать эту послѣднюю агитацию. Для цѣли настоящей статьи довольно будетъ указать только на то, что эта агитация, не смотря на анархическую фразеологию, которая прилѣпилась къ ней изъ заграничныхъ прокламацій Бакунина (который, напомнимъ, не задолго передъ своимъ анархизмомъ самъ допускалъ возможность социальнаго-демократическаго Романова), — оказалась въ началѣ своемъ гораздо болѣе близкою къ учению о демократической бюрократіи (о каковомъ учении въ эпоху эманципации крестьянъ мы говорили въ прошломъ №-рѣ), чѣмъ къ либеральному направленію въ движеніи 60-хъ годовъ. Русскіе социалисты начала 70-хъ годовъ не только пренебрегали постановкой политическаго вопроса, но даже исповѣдывали догматъ монархическихъ аболюционистовъ 60-хъ годовъ о вредѣ установленія въ Россіи политической свободы, — или, какъ говорилось тогда, конституціи, — такъ какъ она-де замедлитъ наступленіе народной социальной революціи и организуетъ буржуазію. Даже тѣ изъ русскихъ социалистовъ, которые не раздѣляли невниманія своихъ товарищей къ борьбѣ съ правительствомъ, далеки были отъ идей объ общественномъ самоуправленіи, а мечтали о захватѣ власти, посредствомъ которой-де будетъ произведена социальная реформа. Только горькій опытъ убѣдилъ русскихъ социалистовъ въ невозможности для Россіи обойти ступеньку учреждений, которыми они пренебрегали, какъ буржуазною выдумкою, и заставилъ ихъ вписать въ свои программы требованіе политической свободы, хотя, впрочемъ, ни одна изъ этихъ программъ не формулировала ясно требованій самоуправленія, а многія изъ нихъ сбивались на старую фразеологию о социалистической диктатурѣ, если не заговорщиковъ, то учредительнаго собранія. Наконецъ, и это обращеніе русскихъ социальныхъ революционеров къ либеральнымъ идеямъ совершилось и не вполне самостоятельно, такъ какъ оно началось тогда, когда, подъ влияніемъ, между прочимъ, сербо-болгарскаго движенія и войны, въ социально-революционныхъ кружкахъ пробудилось стремленіе вновь поднять либеральную агитацию, ос-

тавленную въ половинѣ 60-хъ годовъ.

Во всякомъ случаѣ за русскими социальными-революционными кружками, слѣдуетъ признать заслугу даже относительно политическаго вопроса, состоящую въ томъ, что они все таки будили общество и энергической борьбой фактически обнаружили слабость самодержавнаго правительства. Въ 1878 г. правительство призналось въ своемъ безсиліи справиться съ „горстью крамольниковъ“ и обратилось за содѣйствіемъ къ „обществу“.

Наличные представители послѣдняго въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ опять сдѣлали капитальную ошибку, не высказавшись дружно противъ бюрократіи хоть бы такъ, не совершенно удачно, какъ попытались высказаться нѣкоторые украинскія земства, которые справедливо укоряетъ авторъ напечатанной у насъ въ прошломъ №-рѣ статьи „Ближайшія задачи земства“. Какъ бы то ни было, — но хоть нѣсколько земствъ все же заявили о необходимости реформъ въ духѣ политической свободы, — и этотъ слабый толчокъ въ крѣпость самодержавія не прошелъ безслѣдно.

Мы считаемъ вовсе не случайнымъ обстоятельствомъ, что основатель системы „вѣяній“, гр. Лорисъ-Меликовъ, принесъ въ Петербургъ свои зефироносныя мѣхи изъ Харькова. Земства его сатрапіи (Харьковское, Полтавское и Черниговское) именно и были тѣми, которые заявили правительству о необходимости политической свободы, — а въ обществѣ этихъ губерній харьковскій сатрапъ могъ увидѣть еще болѣе опредѣленные требованія, которыми совершенно пренебречь онъ считалъ неблагоприятнымъ для правительства. Мы далеко бы ушли, еслибы стали говорить здѣсь о томъ, почему изъ Л. Меликовскихъ вѣяній не вышло ничего прочнаго, — а ограничимся указаніемъ на связь этихъ вѣяній съ тою земскою агитацией, которая имъ предшествовала. Правительство Л. Меликова увидѣло необходимость обезоружить эту агитацию не только вѣяніями, но и заявленіемъ намѣренія продолжать реформы и при томъ съ участіемъ представителей самого населенія. Такое значеніе имѣетъ особенно приглашеніе земскихъ собраній высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учреждений.

Приглашеніе это мы считаемъ самымъ серьезнымъ дѣломъ Лорисовской эпохи, потому что оно, неожиданно для самого диктатора, привело къ поднятію гораздо болѣе широкаго вопроса, — а именно вопроса о провинціальномъ управленіи вообще, и дало поводъ земствамъ выставить проекты этого управленія, составленные на основаніи долготѣящаго опыта земской жизни. Тутъ мы видимъ уже не однѣ общія идеи, какъ въ заявленіяхъ 1858—1860 гг., а подробно разработанные планы. Если свести вмѣстѣ эти планы, равно какъ и петиціи разныхъ земствъ по отдѣльнымъ вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ вопросомъ администраціи, — то получится почти буквально та программа самоуправле-

нія, которая развивается въ нашей газетѣ. Разница оказывается только въ томъ, что официальные земскіе представители говорятъ вполне опредѣленно о самоуправленіи въ волостяхъ, уѣздахъ и губерніяхъ (нынѣшнихъ рамкахъ провинціальной жизни), менѣе опредѣленно о самоуправленіи областномъ и еще менѣе ясно о самоуправленіи государственномъ. Въ этомъ есть своего рода резонное основаніе, но тутъ же заключается и слабость теперешнихъ земскихъ заявленій.

Дѣйствительно, мѣстное самоуправленіе, вмѣстѣ съ личными правами (въ числѣ которыхъ входятъ и права національныя), гораздо существеннѣе для населенія, чѣмъ центральный парламентаризмъ; только оно составляетъ основу для серьезнаго государственнаго самоуправленія, — и если бы въ Россіи мы имѣли дѣло съ правительствомъ просвѣщеннымъ и искреннимъ, или даже съ династіей, сколько нибудь образованной и дальновидной, то можно бы было на извѣстное время удовлетвориться программой, которая прорывалась изъ моск. славянофиловъ въ ихъ минуты просвѣтлѣнія, а именно: мѣстнымъ самоуправленіемъ при сохраненіи самодержавія вверху государства. Но мы видѣли, что и такая программа, въ сущности предложенная петербургскому правительству заявленіями въ 1858—1860 г., не была имъ принята даже въ пайболѣе либеральную его эпоху, — а еще болѣе рѣшительно отвергнута имъ въ послѣдующее время. Да иначе и быть не могло, — такъ какъ личныя права и самоуправленіе, хотя бы только мѣстное, гораздо болѣе невыгодны для бюрократіи, чѣмъ даже централистическій парламентаризмъ. Мечтать же, что царь можетъ самъ по себѣ прорвать сѣти бюрократіи, могутъ только несправимые фантазеры, которые, впрочемъ, сами больше говорятъ публично о царѣ и народѣ безъ средостѣнія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ реализацію своихъ словъ. Въ дѣйствительности царь всегда былъ, есть и будетъ первый чиновникъ и придворный. Это доказалъ и Александръ II-овободитель и Александръ III, противникъ „средостѣнія“. Послѣдній, можетъ быть, и примирился бы съ самоуправленіемъ (примирился же съ конституціей Францъ-Иосифъ Австро-Венгерскій), но только тогда, когда бы оно было осуществлено, т. е. взято у него.

Вотъ почему необходимъ теперь усиленный напоръ всѣхъ общественныхъ элементовъ на этотъ пунктъ. Со стороны земскихъ людей необходимы ясныя заявленія, которые бы напомнили правительству о томъ, что ему еще недавно предъявлены были вполне опредѣленные требованія мѣстнаго самоуправления, и которые бы въ то же время завершили требованія объ этомъ самоуправленіи требованіемъ неприкосновенныхъ личныхъ правъ и самоуправленія общегосударственнаго. Несомнѣнно, что правительство не поблагодаритъ за эти заявленія и сначала прибѣгнетъ къ репрессіямъ. Но во первыхъ — волка бояться, въ дѣлѣ не ходить, а во вторыхъ, даже российская исто-

рия послѣднихъ десятилѣтій доказываетъ, что въ виду сколько нибудь систематическаго напора на правительство со стороны общественныхъ корпорацій, правительство не смѣетъ ни прибѣгать къ сильнымъ репрессіямъ, ни безусловно отвергать обращенія къ нему требованія. Такъ, напр., на помѣщаемый ниже Владимірскій адресъ, который шелъ во главѣ цѣлаго ряда подобныхъ заявленій, правительство Александра II отвѣчало выраженіемъ „неудовольствія“, „выговоромъ“ губ. предводителю и „замѣчаніемъ“ предв. уѣзднымъ, — но не только ограничилось этими карами, но, скрѣпя свое неудовольствіе, все же сдѣлало часть реформъ, которыхъ у него требовали. На такую же дорогу стало подаваться правительство и въ послѣдній годъ царствованія Александра II, подъ напоромъ вновь проснувшейся агитации.

При Александрѣ III такая агитация еще не была испробована, — но что и его правительство далеко не нечувствительно къ ней, это показываетъ, напр., и то обстоятельство, что и Александръ III далеко не сразу рѣшился пойти противъ того теченія, какое обнаружилось въ послѣдніе годы правленія его отца, — и сначала сохранялъ Л. Меликовскія вѣянія, потомъ, даже послѣ изданія реакціоннаго манифеста, прибѣгалъ къ Игнатьевской комедіи съ свѣдущими людьми, и только тогда, когда эта комедія нѣсколько замутила общественное сознаніе и когда обнаружилось, что она не встрѣчаетъ себя дружнаго противудѣйствія въ представителяхъ общественныхъ корпорацій, рѣшился на открытую Толстовскую нѣтовщину. Неужели же земскіе люди, которые разрабатывали вопросы административной реформы, которые опытнымъ убѣдились въ полной невозможности сколько нибудь правительнаго удовлетворенія нуждъ населенія, при господствѣ бюрократическаго произвола, — такъ и сложатъ руки передъ этой нѣтовщиной?!

Гр. Петръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. Обращаемъ особое вниманіе читателей на одно изъ печатаемыхъ далѣе писемъ Громыки къ Герцену съ выдержкою изъ записки гр. Шувалова о томъ III отдѣленіи, въ которомъ онъ былъ потомъ шефомъ. Еще въ 1861 г. изъ среды самихъ служащихъ въ этой инквизиціи вышелъ голосъ, который заявилъ, что «тайный судъ тайной полиціи» есть позорное, несправедливое учрежденіе, несовмѣстимое съ правильными основами суда. И однакожь, такой судъ существуетъ въ Россіи до сихъ поръ въ разныхъ и въ нѣсколькихъ въ одно время видахъ, — и еще недавно распространился слухъ о томъ, что пылкій царь, по докладу одного изъ инквизиторовъ, генерала Федорова, — написалъ пужнымъ не судить арестованныхъ въ послѣдній годъ политическихъ заподозрѣнныхъ, — а сослать ихъ прямо — на о. Сахалинъ. Чѣмъ это лучше Торквемады, которымъ пугалъ Александра II гр. Шуваловъ??

Справка изъ недавно прошедшаго. Теперь, когда передъ Россією стали вновь на очередь политическіе вопросы, поднятые, но не разрѣшенные въ началѣ прошлаго царствованія,

вдвойнѣ уместно будетъ напомнить одно изъ тогдашнихъ заявленій, которыхъ мы касаемся въ передовыхъ статьяхъ прошлаго и настоящаго номеровъ, — адресъ владимірскихъ дворянъ, представленный царю въ январѣ 1860 г.

«Августѣйшій Монархъ!»

«Дворянство Владимірской губерніи, вполнѣ сочувствуя благотворнымъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, и сознавая всю важность настоящаго времени, въ которое готовится столь великія преобразованія и Отечество наше возрождается къ новой жизни, не можетъ утаить своихъ душевныхъ убѣжденій, и осмѣливается изложить ихъ съ прямымъ чистосердечіемъ и полнымъ довѣріемъ къ Вашимъ благотѣльнымъ заботамъ о счастьи Вашего народа.

«Всемилюемый Государь! благоволите выслушать Вашнихъ вѣрноподданныхъ:

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ Государствѣ сословія, Отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя при томъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безответственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать Правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности нести и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же, правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изсѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственнымъ убѣжденіемъ, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а по этому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

«Все вышесказанное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ, болѣею частью, отъ личнаго произвола.

«До сихъ поръ подобный порядокъ могъ существовать, ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности, но съ уничтоженіемъ этого права, разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ Правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей Вашего Императорскаго Величества, потому что освобожденные крестьяне, лишенные защиты помѣщика, при отсутствіи правосудія и ответственности должностныхъ лицъ, подвергнуты еще болѣе и невыносимой зависимости отъ произвола чиновниковъ, и черезъ то могутъ совсѣмъ потерять уваженіе къ дѣйствительной законности.

«Всемилюемый Государь! Дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностию повергнуть на Всемилюемое возрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго схода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благотѣльныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

I) строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II) Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III) Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и ответственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаютъ не администра-

тивную властью, но единственно правильною избраніемъ.

IV) Полицейское Управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

V) Руководимое только закономъ, Гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI) Непосредственная ответственность всѣхъ и каждого передъ судомъ.

VII) Ответственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

VIII) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и Государственнаго кредита. —

«На этихъ основаніяхъ Владимірское дворянство осмѣливается Всеподданнѣйше не просить предпологаемыя измѣненія, для всѣхъ сословій необходимыя при новой жизни Русскаго народа.

«Всемилюемый Государь! Вы первые пробудили въ народѣ Русскомъ эту жизнь! При величій души Вашей Вы поймете чувства вашихъ вѣрноподданныхъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣемъ честь именовать Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ».

Этотъ адресъ былъ принятъ 186 голосами противъ 34, подписанъ 144 дворянами и отправленъ въ собственныя руки государю. Болѣе или менѣе сходные адреса и рѣчи были представлены въ собраніяхъ: тверскомъ, ярославскомъ, нижегородскомъ, орловскомъ и с. петербургскомъ. Теперь сыновья авторовъ этихъ заявленій, а по мѣстамъ даже сами авторы сидятъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ. Что же скажутъ они теперь новому царю въ его коронацію?

Письмо студента-ветеринара по поводу Харьковскихъ студенческихъ волненій *).

Только теперь, когда меня начинаютъ осажать роковые вопросы о томъ, куда направить свои стопы **), а это доказываетъ, что весь пылъ остылъ, страсти улеглись, я берусь изложить послѣдовательно и безъ увлеченія факты.

Студентъ медикъ I курса, нѣкій З—ръ (еврей), гуляя по Екатеринославской улицѣ сумерками, часу въ 6-мъ, со своимъ пріятелемъ, тоже студентомъ, встрѣтилъ одну дѣвушку и давалъ за ней ухаживать. Дѣвушка переходила на другую сторону улицы; — они за ней, заходятъ съ обѣихъ сторонъ, подходятъ къ ней и дѣлаютъ попытки цаловать ее. Дѣвушка обороняется и при этомъ довольно громко плачетъ. Это, вотъ, рассказывали другіе два студента, которымъ удалось спасти несчастную дѣвушку отъ рукъ этихъ россійскихъ Донъ-Жуановъ. Надъ З—омъ и его пріятелемъ (когого фамилія не обнаружилась) назначенъ былъ университетскій судъ, который на-завтра же и состоялся. На судѣ же этотъ субъектъ держалъ себя очень нагло, будучи (къ стыду сказать) поддерживаемъ очень многими студентами-юристами. Во время происходившей ссоры, по поводу суда надъ этимъ субъектомъ, начальство всячески старалось разогнать ее. Вольеръ (помощникъ инспектора) то и дѣлалъ, что пригласилъ студентовъ расходиться, что, наконецъ, было исполнено только послѣ того, когда этого З—ра приговорили къ удаленію изъ университета. Такое давленіе на сердца студентовъ. Понятно, что съ этого времени началось замѣтное броженіе. Вскорѣ затѣмъ разнеслись слухи о Казанской исторіи; — официально о нихъ ни слова. Слухи варьируются; наконецъ, узнаемъ, что тамъ была стычка между войсками и студента-

*) Намъ доставлено это письмо, не предназначенное къ печати и потому писанное небрежно, — но при этомъ искреннее и характерное. (Ред.)

**) Авторъ письма — посланный за участіемъ въ волненіяхъ.